

– ведение непрерывной разведки и тесное взаимодействие со структурами политического и военного управления с целью реализации стратегии, позволяющей обеспечивать создание и использование преимущества на угрожаемом направлении;

– подготовка и рациональное использование кадрового потенциала, способного обеспечить разработку и реализацию стратегии противоборства в гибридной и ПВ [2, с. 99].

В целях сохранения государства и перспектив его развития важно разработать модели отражения новых факторов, влияющих на НБ государства.

Литература и источники

1. Проект Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь 6 марта 2023 г. № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001>. – Дата доступа: 14.07.2023.
2. Бартош, А. А. Прокси-война / А. А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2023. – 256 с.
3. Ильницкий, А. М. Стратегия гегемона – стратегия войны / А. М. Ильницкий // Военная мысль. – 2023. – № 6. – С. 18–36.
4. Наумов, А. О. «Цветные революции» / А. О. Наумов. – М. : «Кучково поле», 2023. – 496 с.

AFFLUENZA («БОЛЕЗНЬ ИЗОБИЛИЕМ») КАК ПРЕВРАЩЕННАЯ ФОРМА СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСКАПИТАЛИЗМА

А. Ю. Опарин

Концепт «превращенная форма» был введен в научный обиход К. Марксом и до сих пор активно используется в марксистской теории. Этот концепт, как представляется, должен был показать, хотя он, конечно, нечаянно был произнесен Марксом, неадекватность классических понятий «формы» и «содержания», когда одно из них может подчинить другое в социальных отношениях, или разрушить другое ввиду накопившихся противоречий. Классическая аристотелевская диалектика «формы» и «потенции» стала нерабочей в философском плане, когда оказалось, что социально-экономическая «материя» все свои прочие надстроечные «формы» создает, а не «наполняет».

Принято считать, что к проблеме «превращенных форм» социальности Маркс подошел только при написании «Капитала», а конкретно, в окончании своего черновика, озаглавленного теперь «К

критике политической экономии». Там идет речь о том, как труд трансформируется в капитал, в деньги, что и есть, по Марксу, превращенная форма труда во временном измерении, неадекватная «живому труду» [3, с. 148]. На самом деле, проблема была поставлена еще в период «раннего Маркса», в «Немецкой идеологии», когда классики марксизма попытались разобрать превращенные формы общественного сознания и причины их возникновения. И она не касалась только проблем политэкономии, так подробно разобранных в «Капитале», но касалась и других проявлений социального, не упомянутых, но так или иначе находившихся в фокусе внимания Маркса. Не случайно тут Маркс применил к понятию «превращенная форма» предикат социального: речь шла об общественных отношениях и коллективном труде, а не об экономических отношениях, как в других работах Маркса, где использовались выражения «процесс превращения», «превращенная форма» при объяснении механизма обращения капитала, товарного обмена и т. д. [2, с. 43].

Но что мы должны понимать под «превращенной формой»? Она не означает просто изменение или трансформацию (хотя, к слову, любое означение, обозначение предмета есть его вербальное «превращение»), в ней раскрывается более важное свойство – деформация, извращение социального явления, переворачивание явления или процесса с ног на голову (сам Маркс пытался применить к этому аналогию «камеры-обскура»), выворачивание наизнанку. При этом «превращение в свою полную противоположность происходит настолько незаметно, что люди с удовольствием или по необходимости принимают видимость за истину, форму за содержание, делая вид, будто ничего в их жизни не изменилось» [2, с. 44]. При этом «превращенная форма» обретает свой самостоятельный онтологический статус, где ее самостоятельность «проявляется... в принципиальной разделности того, что в ней непосредственно явлено, и тем, что в ней действительно заключено» [6, с. 37]. Иными словами, когда форма подменяет содержание, маскирует содержание, выдавая себя за него. Возвратившись к «Немецкой идеологии», мы должны вспомнить, что понятие «видимость» (*Schein*) достаточно часто встречается там в применении к «перевернутым» («превращенным») формам общественного сознания, однако это не означает, что они воспроизводят иллюзию, «кажимость». Напротив, они вполне могут отсылать к определенной (но скрываемой) ими реальности [1, с. 125–127].

В этом смысле, одной из любопытных современных превращенных форм социального, вписанных в контуры идеологии консюмеризма, является открытый американскими специалистами феномен *affluenza* (термин получен путем слияния слов «*affluent*» и «*influenza*», что означает «болезнь изобилием»; в качестве русского перевода специалистами предлагаются «потреблудие», «консьюмопатия», «изобилиенция», но

общего мнения пока нет). В самом общем смысле, это – особый вид деятельности современного жителя капиталистической страны, направленный на безудержное потребление товаров не самой первой необходимости. Авторы одной из посвященных этому социальному феномену книг понимают это как «болезненное, заразное, передающееся внутри общества состояние пресыщения, обремененности долгами, тревоги и опустошенности, которое является результатом упрямой погони за новыми и новыми приобретениями» [8, р. 25]. Британский психолог Дж. Оливер описывает «болезнь изобилием» как «придание высокой ценности деньгам, имуществу, внешности (физической и социальной) и славе» и объясняет распространенность *affluenza* результатом «эгоистичного капитализма» и либерально-рыночного политического правления. Он пишет, что современный человек (Оливер использует заимствованное у Э. Фромма понятие «рыночный характер») воспринимает себя как товар, чье значение или цена определяется извне. Но поскольку большинство людей испытывают недостаток индивидуальности и находят слишком болезненным столкновение с базовыми смысложизненными вопросами «кто я» и «для чего я существую?», то в таком избыточном потреблении находится простой выход через отвлечение и ложную индивидуализацию на основе обладания. «Токсины эгоистического капиталиста, которые наиболее опасны для благополучия человека», – это систематическая поддержка тех идей, что будто бы только «материальное богатство – это ключ к самореализации, что только преуспевшие в материальном отношении являются победителями...» [6, с. 70–71]. В итоге «люди различают друг друга по тому, чем они владеют, а не по тому, кто они есть, по тому, что они имеют, а не по тому, что они есть» [7, р. 65]. Это крайний, болезненный вариант «статусного» (или «демонстративного») потребления, которое должно служить поддержанию имиджа «благополучного человека». Однако в основании его – непреодолимый комплекс неполноценности и желание самоутвердиться. В результате потребители становятся добычей «для циничного рынка», производящего бесчисленные средства, «чтобы погладить нарциссизм секулярной души, одержимой своим правом на самовыражение, самореализацию и "подлинность" ...» [9, р. 74].

Но все это было предусмотрено Марксом еще на заре капитализма. «Каждый человек старается пробудить в другом какую-нибудь новую потребность, чтобы вынудить его принести новую жертву, поставить его в новую зависимость и толкнуть его к новому виду наслаждения... Каждый стремится вызвать к жизни какую-нибудь чуждую сущностную силу, господствующую над другим человеком, чтобы найти в этом удовлетворение своей собственной своекорыстной потребности. Поэтому вместе с ростом массы предметов растет царство чуждых сущностей, под

игом которых находится человек, и каждый новый продукт представляет собой новую возможность взаимного обмана и взаимного ограбления» [4, с. 599]. Для поддержания жизнеспособности экономики современной капиталистической системы необходимо постоянное увеличение объемов производства и реализации товаров и услуг. Однако, и так давно имела существование та точка зрения, что капитализм имеет врожденную тенденцию производить гораздо больше, чем может быть поглощено потреблением. Сторонники этой позиции всегда были склонны объяснять капиталистические кризисы «недопотреблением». Именно поэтому усилиями маркетологов и стимулированием искусственных потребностей и была порождена «болезнь изобилием», на самом деле под своей формой скрывающая только капиталистическую реальность с ее тенденцией к постоянному росту.

Литература и источники

1. Баллаев, А. Б. Читая Маркса: Историко-философские очерки / А. Б. Баллаев. – М. : Праксис, 2004. – 288 с.
2. Добренъков, В. И. Фундаментальная социология: в 15 т. / В. И. Добренъков, А. И. Кравченко. – М. : ИНФРА-М, 2005. – Т. VI: Социальные деформации. – 1074 с.
3. Маркс, К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов / К. Маркс // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 48. – С. 3–548.
4. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс // Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1956. – С. 517–642.
5. Рыбаченко, С. В. О предпосылках использования Марксом концепта «превращенная форма» при описании экономических феноменов / С. В. Рыбаченко // Вестник РГГУ. – 2009. – № 12. – С. 37–47.
6. Фишер, М. Капиталистический реализм / Марк Фишер; пер. с англ. Д. Кралечкина. – М. : Ультракультура 2.0, 2010. – 144 с.
7. James, O. Affluenza: How to Be Successful and Stay Sane / O. James. – London : Vermilion, 2007. – 570 p.
8. John de Graaf. Affluenza: The All-Consuming Epidemic / John de Graaf, David Wann, Thomas Naylor. – San Francisco, CA : Berrett-Koehler Publishers, 2010. – 268 p.
9. Ward, Fr. Why Rousseau was Wrong: Christianity and the Secular Soul / Fr. Ward. – London : Bloomsbury Publishing, 2013. – 272 p.

К ВОПРОСУ О ЛИБЕРТАРИАНСКОЙ УТОПИИ КАК ПРЕВРАЩЕННОЙ ФОРМЕ СОЦИАЛЬНОСТИ

В. Н. Семенова

Либертарианство не является специфически новой идеологией